

МЕСТО МОНЕТ ИВАНА ГРОЗНОГО В РЯДУ ПАМЯТНИКОВ ИДЕОЛОГИИ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Стало уже привычным говорить о том, что монета является материальным остатком товарно-денежных отношений, а нумизматика — наукой, которая изучает историю товарно-денежных отношений по их материальным остаткам. Мы хотим обратить внимание на другой аспект изучения памятников нумизматики, который исходит из понимания монеты как проводника идеологии и внутренней политики правительства. Каждый исторический период и каждый ареал денежного обращения имеет свой набор изобразительных средств, свою систему знаков, при помощи которых достигается декларативное звучание монеты. Дело нумизматов — уметь «прочитать» эти монеты и разгадать смысл информации, скрытой за рисунками и легендами, проникнуть в подоплеку социального заказа эмитента.

Мы попытались подойти к монетам Ивана Грозного (1533—1584) как к памятникам идеологии и внутренней политики и определить их место в ряду прочих произведений официального искусства, направленного на утверждение нового государственного порядка и связанных с ним идеологических положений. Крайне бедные по набору изобразительных средств и эпитафике русские копейки XVI—XVII вв. кажутся мало перспективными для решения задач подобного рода. Однако это представление глубоко ошибочно. Монеты Грозного стоят особняком среди нумизматических памятников XVI—XVII вв., выделяясь среди них разнообразием приемов в передаче деталей изображения «ездеца», выразительным и реалистическим рисунком. И. Г. Спасский смог рассмотреть в миниатюрных изображениях на монетах Грозного памятники прижизненной иконографии этого правителя.¹ Но этим значение рисунков на монетах Грозного не исчерпывается. Именно на монетах Ивана IV прослеживается трансформация образа ездока (всадника с копьём или саблей) — от отвлеченного символа русской государственности² к изображению самодержца, наделенного конкретными чертами правителя. За этими переменами стоят важнейшие преобразования в жизни страны.

Облик всадника русского герба приобрел законченный вид — всадник с копьём, поражающий дракона, — к концу XV в., а в XVI в. он становится одним из элементов русского государ-

¹ Спасский И. Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного. — СГЭ, 1976, вып. 41, с. 49—53.

² Соболева И. А. Символы русской государственности. — Вопросы истории, 1979, № 6, с. 47—59; Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба. — ТГЭ, 1981, вып. XXI, нумизматика, 5, с. 117—122; Каменцева Е. И., Устюгов И. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. 264 с.

ственного герба.³ Трактовка образа ездоца на протяжении XVI — начала XVII в. менялась мало: это был отвлеченный символ, выраженный образом воина, одетого в кольчугу, до середины XVI в. — с непокрытой головой, позже — в трехчастном венце, с плащом за спиной и с копьем в руках, поражающим в шек дракона. Иконографическое сходство изображений ездоца с копьем и св. Георгия породило немало споров о семантике образа ездоца.⁴

Чем же объяснить выбор в качестве сюжета для изображения на основном номинале русской денежной системы — копейки — всадника с копьем? Среди монет Ивана III (1462—1505) и Василия III (1505—1533) преобладали изображения всадников с саблей или мечом в сочетании с различными рисунками (розетками, фигурой стоящего рыцаря в доспехе) и именами мастеров-откупщиков.⁵ Фигура всадника с копьем помещалась на монетах, составлявших одну большую группу. Здесь наряду с русской легендой оборотную сторону монет занимало имя «Иван» в арабской транскрипции («Ибан»). Новые исследования относят время чеканки их к концу 80-х гг. XV в. и связывают этот факт с успешным походом Ивана III на Казань в 1487 г., после которого Казанское царство оказалось в вассальной зависимости от Москвы.⁶ Событию этому придавалось очень большое значение. Русско-татарская надпись должна была служить демонстрацией суверенитета великого князя Московского. Те же цели несомненно преследовало и изображение ездоца — всадника с копьем, ассоциирующегося с московским гербом.

Главной задачей денежной реформы Елены Глинской в 30-х гг. XVI в. было введение общегосударственной монеты, единообразной по рисунку, весу и пробе. Новый пореформенный выпуск монет отвечал не только экономическим целям централизованного государства. Они также декларировали образование единого и могущественного государства, заявившего о себе восточным и западным соседям. Эту декларативную функцию должен был нести помещенный на копейке ездец с копьем, который в данном случае воспринимался как государственный герб. Следует подчеркнуть еще одно немаловажное обстоятельство. Первые копейки чеканились на Новгородском и Псковском денежных дворах,⁸ и, следовательно, изображение всадника с копьем не могло трактоваться как местная, московская, эмблема, оно приобретало

³ Каженева Е. И., Устюгов Н. В. Указ. соч., с. 123.

⁴ Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба, с. 120.

⁵ Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. XI. 495—539.

⁶ Калинин В. А. Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами. ТГЭ, 1981, вып. XXI, пумизматика, 5, с. 111 и след.

⁷ Там же, с. 115.

⁸ Здесь и далее систематизация монет Ивана IV излагается по нашей работе «Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича. 1533—1598» (Нвд, 1980, т. XIII, с. 77—137).

общегосударственное значение, становилось символом русской государственности на массовом выпуске монет. И. Г. Спасский говорил о двойственности понимания современниками всадника на монете, который мог трактоваться и как образ правителя, и как образ св. Георгия, в качестве которого он окончательно утвердился на монетах после 1718 г.⁹ Мы добавили бы, что элемент двойственности в XVI в. заключался еще и в том, что изображение всадника на копейке объединяло в себе и образ государя, который, согласно традиции оформления монеты в средние века, должен был помещаться на одной из ее сторон, и государственный герб, обозначавший государственную принадлежность монеты.

Государственный герб на первых выпусках пореформенных монет не обрел еще четко выраженных канонических форм. Его изображение было очень схематизировано и по общей трактовке более всего сближалось с изображениями всадников на дореформенных монетах. Надо полагать, что инициаторов реформы более всего беспокоили соображения практические: население должно было принять новые монеты, которые имели не только новый рисунок, но и пониженную весовую норму. Стремление к наиболее безболезненному процессу смены старых денег новыми определяло и оформление пореформенных выпусков. Повсеместный успех денежной реформы, который выразился в удивительной чистоте состава многочисленных ранних кладов Грозного, состоящих только из новых, пореформенных, монет,¹⁰ позволил исполнителям реформы перейти к следующему этапу преобразования денежного хозяйства. Успех новых монет открыл возможности для более активного использования их в целях официальной пропаганды. Этими соображениями, на наш взгляд, можно объяснить принципиально новый тип оформления копейки (табл. 1, 14—17).¹¹ Всадник с кошем на этой монете преобразился. Если на копейках 1535—1538 гг. (табл. 1, 8—11, 9—12) всадник не имел ни головного убора, ни плаща за спиной, а в передаче одежды были использованы самые общие схематические приемы, то всадник на новой копейке украсился трехчастным венцом, развевающимся плащом, а в его одежде, несмотря на миниатюрные размеры рисунка, удалось изобразить кольчугу и высокие сапоги, вдетые в стремяна. Украсилась даже сбруя коня. Вместо обезличенного обозначения «Князь и великий государь всея Руси» здесь поместились имя и малый титул Ивана: «Князь великий Иван всея Руси». Этот новый всадник уже значительно ближе изображению всадника на гербе; только

⁹ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА. М., 1955, вып. 44, с. 226.

¹⁰ Мельникова А. С. Монетные клады Ивана Грозного. — В кн.: Нумизматический сборник. М., 1980, часть шестая, с. 4—59.

¹¹ На табл. 1 отдельная монета изображена в виде двух кружков (лицевая и оборотная стороны), соединенных линией; каждая сторона имеет свою нумерацию, например 1—1, 22—26 и т. д.

вместо дракона, согласно традиции денежного дела, помещены буквы ФС.

Внимательно взглядываясь в миниатюрный рисунок, можно заметить, что голова и лицо всадника копейки ФС заметно отличаются от изображений на более ранних копейках. Мы видим попытку передать лицо юного человека, лишенного бороды (табл. 2, 14). Эти наблюдения дают основание полагать, что в копейке ФС хотели изобразить не отвлеченный символ, а образ царя-подростка (Иван IV родился в 1530 г.) Монету чеканили между 1538 и 1547 гг., о чем свидетельствуют иклады монет, и тот факт, что легенда копейки лишена царского титула, который, как известно, был принят Иваном IV 16 января 1547 г. Чеканку этой копейки можно расценивать как заключительный этап реформы, когда создалась объективная возможность ввести в денежное обращение монету, в которой объединились все реформенные нововведения: новое изображение (всадник с копьем), новая легенда, новый вес. Но на этом, как нам представляется, значение чеканки копейки ФС далеко не исчерпывается. Трансформация отвлеченного символа в образ юного Ивана, который здесь представлен в виде воина с венцом на голове, находит, по нашему мнению, объяснение в системе политических и идеологических мероприятий в 40-х гг. XVI в., которые связываются в историографической традиции с именем митрополита Макария. Макарий стал митрополитом в 1542 г., оставив архиепископскую кафедру в Новгороде. Убежденный идеолог самодержавной власти, Макарий и круг его единомышленников разработали целую систему идеологических взглядов, развивавших идею сильной самодержавной власти. Эти идеи нашли воплощение в организации пышного венчания Ивана IV на царство в 1547 г., в грандиозном цикле живописных и скульптурных работ в Кремле в 1547—1554 гг., объединенных общим идейным замыслом, в серии литературных трудов середины XVI в.¹²

К середине XVI в. государственный строй России приобрел черты сословно-представительной монархии. Не меньшую роль играло развитие самодержавия, идеологом и почителем которого стал сам Иван IV. Введением в 1564 г. опричнины он, не отменяя сословно-представительных учреждений, установил порядок, присущие другой государственной форме — неограниченной монархии.¹³ Становление и укрепление самодержавия в свою очередь явилось этапом превращения сословно-представительной монархии в абсолютную.¹⁴ Самодержавная власть утверждала

¹² Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. 197 с.

¹³ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981, с. 153.

¹⁴ Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. 519 с.

свои позиции в рамках сословно-представительной монархии не только созданием соответствующих государственных институтов, но и средствами идеологии. Такая отрасль государственной деятельности, как чеканка монеты, по традиции монетного дела являвшаяся одной из важнейших функций и привилегий правителя, не могла оставаться вне общей направленности идеологической мысли того времени. В эволюции сюжета и характере оформления монетного поля, на наш взгляд, нашло последовательное выражение развитие идеи самодержавной власти. Внимание к оформлению монет России середины и второй половины XVI в. под таким углом зрения нам кажется весьма перспективным для изучения процесса сосуществования и противоборства двух политических направлений, характеризующих развитие государственного строя России этого периода — сословно-представительной монархии и самодержавия.

Выбор сюжета и изобразительных средств для монеты как произведения мелкой пластики, разумеется, был ограничен. Сюжет, выражающий самодержавную идеологию, предопределялся образом ездоца, иконографически близкого популярному св. Георгию, покровителю князей, заступнику и защитнику угнетенных в народной традиции, в котором материализовалась идея самодержавия о святости и бессмертности ратного подвига в борьбе с неверными. Величие религиозного и нравственного воинского подвига создавало особый ореол вокруг образа воина-рыцаря (вспомним Пересветова с его прославлением «воинников»: «Воинниками царь силен и славен»¹⁵). В изобразительном искусстве середины XVI в. образ воина-рыцаря делается не только популярным: уже самого Ивана IV изображают не иначе, как в этом качестве.

Наиболее законченный вид идея священного смысла воинского подвига нашла в иконе-картине «Благословенно воинство небесного царя».¹⁶ Смысловым и композиционным центром картины явилось изображение юного воина. Он следует сразу за Михаилом-архангелом, возглавляя все «воинство небесное», разделенное на три колонны. Воин, обернувшийся назад к шествующим за ним воинам, восседает на торжественно выступающем коне, одежду его составляет кольчуга, на голове — остроконечный шлем, в правой руке — опущенное вниз копьё, у пояса — меч. За спиной всадника развевается алый плащ, над его головой три ангела держат венец славы. Первый исследователь иконы П. П. Муратов увидел в юном воине фигуру св. Георгия; того же мнения придерживался А. Е. Пресняков, но после изучения иконы М. К. Каргером, доказавшим, что здесь представлен Иван Грозный, ведущий свои победопосные войска из

¹⁵ Сочинения И. Пересветова / Подг. текст А. А. Зимин, под ред. Д. С. Лихачева. М.: Зн., 1956, с. 48.

¹⁶ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. с. 22—26.

Казани,¹⁷ его трактовка была принята всеми исследователями.¹⁸ Исполненный движения и изящества образ Ивана IV в картине «Благословенно воинство» не только заставляет вспомнить изображение всадника на копейке ФС. Он поразительно переключается с новым рисунком на копейке, время чеканки которой датируется 1547—1550 гг.; отличительной особенностью этой копейки являются буквы «ПС» под ногами всадника.¹⁹ Всадник здесь изображен тоже повернувшимся назад, как на иконе, а короткая одежда, в которой угадывается кольчуга, обувь — высокие сапоги, перехваченные под коленом, — рисунок левой руки, держащей поводья, очень сходны и у всадника монеты, и у всадника иконы при всем несхождении изобразительных средств, диктуемых разной техникой (табл. 1, 19—23; табл. 2, 19). Более тяжеловесные изображения всадников в украшенной пышно одежде, тоже с молодым безбородым лицом мы наблюдаем на копейках Грозного 1547—1550 гг. с буквами «ИВА, ГР, АЛ, Юр» (табл. 1, 20—24, 21—25, 22—26, 23—26; табл. 2, 20, 21, 22, 23).

Разумеется, нельзя даже ставить вопрос о возможности заимствования образа всадника на иконе «Церковь воинствующая» с композиционно близкого ему изображения на копейке ПС. Но можно и вполне правомерно предположить, что в эти годы был создан некий канонизированный тип изображения царя в виде воина-всадника. Образ юного воина-рыцаря, который донесли до нас копейки 40—50-х гг. XVI в., следует, на наш взгляд, трактовать как канонизированный облик Ивана IV, который олицетворял идею религиозно-правительственной миссии русского самодержавия в борьбе за чистоту веры и национальную независимость. По всей видимости, канонизация этого образа могла сложиться не ранее 1542 г. и не позднее 1547 г. Разработку данного сюжета мы связываем с появлением в Москве митрополита Макария. Заметим, что Макарий сам был живописцем и не только наблюдал за ходом живописных работ, но и принимал в них непосредственное участие.²⁰

Юный воин на копейках без особых изменений изображался до второй половины XVI в. Венчание Ивана на царство в 1547 г. не нашло отражения в рисунке, хотя титул в легенде изменился — он дополнился словом «царь». Во второй половине XVI в. всадник изображается уже с бородой, которая сохраняется на копейках до самого конца царствования Ивана IV (табл. 2, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37). Видимо, не следует в этом факте искать попытки передать конкретные

¹⁷ Каргер М. К. К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая». — В кн.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, с. 466—470.

¹⁸ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV, с. 24—25.

¹⁹ Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича... с. 109.

²⁰ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV, с. 16, 92.

портретные черты лица царя: в традиции художников-миниатюристов XVI в. мужчины до 30 лет изображались всегда безбородыми.²¹ Однако не вызывает сомнения, что мастера стремились воспродолжить на крохотных монетах лицо бородатого, горбоного человека с густыми, сходящимися на переносице бровями, с длинными волосами, закрывающими уши (см. табл. 2, где на рис. 34, 35, 36 и 37 представлены особо выразительные портреты).

Известно, что летописные миниатюры последовательно использовали изображения головных уборов в системе образов, выражающих понятие о ранге в феодальной иерархии. В Лицевом своде слову «князь» неизменно сопутствует изображение княжеской шапки, так же как слову «царь» — пятилучевая корона.²² Иван IV до царского венчания изображался в великокняжеской шапке, после 1547 г. — только в пятилучевой короне. В таких же коронах изображались царицы, царевичи и почему-то княгини.²³ Рисунок короны в летописи очень условен и различается по меньшей мере шестью разновидностями, но за этим стояли не конкретные реалии, а индивидуальные манеры художников-исполнителей.²⁴ К числу условностей летописных миниатюр следует отнести украшение царскими коронами всех упоминаемых в тексте царей, без различия между магометанскими и христианскими владетелями, а также фантастические формы головных уборов королей.²⁵

Разумеется, мир и смысл изображений на монетах должны были существенно отличаться от книжной иллюстрации, ибо монета являлась памятником более официальным, чем летописная миниатюра, и в то же время более мобильным, поскольку значительно зависела от сиюминутной политической и экономической конъюнктуры. Но выбор изображения головных уборов на монете тоже не был нейтральным. Обращение к монетам XV в. показывает, что в денежном деле существовала своя система знаков, обозначавших различные понятия, которые дополняли или раскрывали содержание легенд. Форма головных уборов в этой системе занимала едва ли не ведущее место. Трехчастный венец обычно использовался в тех случаях, когда возникала необходимость обозначить верховную власть. Комбинации изображений трехчастного венца и великокняжеской шапки на монете служили средством передачи характера междукняжеских отношений.²⁶ На монетах Ивана IV трехчастный венец впервые изо-

²¹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 131.

²² Там же, с. 114—115.

²³ См., например, л. 113, 169 и 448 в Синодальном списке Никоновской летописи (ГИМ, ф. 962).

²⁴ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей. М., 1965, с. 154.

²⁵ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры..., с. 116.

²⁶ Орешников А. В. Указ. соч., с. 1—232; Арциховский А. В. Изображения на новгородских монетах. — ИАН СССР. Сер. ист. и филос., 1948, т. 5,

бражен на копейке ФС, которая датируется временем между 1542—1547 гг. Исследователи связывают появление на голове всадника трехчастного венца с актом венчания на царство Ивана IV в 1547 г. В частности, это замечено и относительно всадника русского герба.²⁷ Копейка ФС говорит не только о том, что трехчастный головной убор — венец появился на монетах раньше 1547 г., но и о том, что появление его не следует связывать с актом венчания на царство. Всадник копейки ФС имеет венец, но не имеет царского титула в легенде; всадник на денге Московского денежного двора, датированной нами 1547—1550 гг., имеет царский титул в легенде, но не имеет венца (табл. 1, 6—18); у всадника на денге другого типа, тоже относящейся к 1547—1550 гг., есть венец, но нет царского титула (табл. 1, 15—9). Трехчастный венец довольно простых очертаний сохраняется на денгах и копейках до конца 50-х гг. (табл. 2, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 28). Начиная с 60-х гг. голову всадника украшает уже не венец, а пятилучевая корона. Корона имеет ободок; между тремя большими, веерообразно расходящимися зубцами размещены два маленьких зубца (табл. 2, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37). И, наконец, среди копеек и денег Грозного встречены три типа (табл. 2, 17, 18 и 25) монет, на которых голову всадника венчает не венец и не корона, а великокняжеская шапка, такая, как ее изображали в миниатюрах, — со сферическим верхом и меховой опушкой. Тот факт, что формы головного убора на монетах Грозного последовательно сменяли друг друга в хронологическом порядке, говорит о том, что за этой последовательностью должна скрываться своя логика.

Видимо, изображение трехчастного венца на первом выпуске «самодержавной» копейки с буквами «ФС» может быть расценено однозначно: это было основное средство выражения места самодержца российского в системе феодальной иерархии. Царский титул в легенде играл служебную, дополнительную роль: «говорило» изображение венца, выработанное традицией денежного дела XV в. Форма трехчастного венца на монетах была, по всей видимости, совершенно условна, и никаких реалий за ней усматривать нельзя.

Отказ от традиционной формы трехчастного венца и переход к изображению пятилучевой короны в 60-х гг. требуют объяснения, которое следует искать во внутриполитической ситуации в стране. В эти же годы наблюдаются изменения в геральдике, о чем сообщает летопись в феврале 1561 г.: «Царь и великий князь печать старую, меньшую, что была при отце его великом

№ 1, с. 99—106; Мельникова А. С. Псковские монеты XV в. — Изв., 1963, т. IV, с. 222—244; Львов М. А. Еще раз об изображении на повгородских монетах. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 115; Мец Н. Д. Ярославские князья по нумизматическим данным. — СА, 1960, № 3, с. 121—140.

²⁷ Вилинбазов Г. В. Всадник русского герба, с. 118.

князе Василие Ивановиче, переменял, а учинил новую печать складную: орел двоеглавно, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а среди его инрог».²⁸ В 1554 и 1565 гг. были учреждены печати для юрьевского и новгородского наместников. Н. А. Соболева не без оснований полагает, что учреждение новых печатей, а также разработка их символики входили в круг занятий самого Ивана IV.²⁹ Слияние ездеца с двуглавым орлом впервые фиксируется на золотой булле, приложенной к договору от 7 августа 1562 г., а также на донативном золотом знаке в пять угорских, приблизительно датированном 1563 г. Изменения государственной печати отражали изменение статуса государства. Г. В. Вилинбахов трактует его как переход от удельного княжества к государственному объединению с самодержавным государем во главе, что выразилось в слиянии «родовой эмблемы» — ездеца с государственной — двуглавым орлом.³⁰ В 1562 г. к старым царским регалиям — бармам и кресту — прибавился скипетр, атрибут королевской власти.³¹

В 1561 г. произошло событие, которое произвело большое впечатление на современников: акт венчания на царство Ивана IV был утвержден патриархом Константинопольским и собором восточных святителей. Они благословили «быти и зватися ему царем законно и благочестно венчанному... понеже рода есть и крове царской».³² Правительство Ивана Грозного добивалось этого признания от восточной церкви пятнадцать лет. Самосознание самодержавной власти получило могущественную поддержку, и, видимо, именно с этим событием следует связывать всю серию изменений государственной атрибутики. Если прибавить к этому еще и тот факт, что в 1564 г. была учреждена опричнина, которая «в известной мере расчистила путь к абсолютизму (хотя и не привела к нему)»,³³ все замечательные явления можно будет рассматривать как средство выражения престижности самодержавной власти. В контексте событий 60-х гг. XVI в., по всей вероятности, и следует расценивать появление нятилучевой короны на конейках Грозного. Благодаря короне избрание царя выглядело более торжественным и импозантным. Способствовало этому также увеличение декоративных элементов в передаче одежды, плаща всадника и сбруи коня. Пяти-

²⁸ ПСРМ, М., 1965, т. XIII, с. 331.

²⁹ Соболева Н. А. О датировке большой государственной печати Ивана IV. — В кн.: Россия на путях централизации. М. 1982, с. 181.

³⁰ Вилинбахов Г. В. Государственная геральдика России конца XVII — первой четверти XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982, с. 9.

³¹ Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982, с. 89; *Stöckl Gunter*. Testament und Siegel Ivans IV. — In: *Abhandlungen der Rheinisch Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 1972, S. 21—31.

³² ПСРМ, т. XIII, с. 334; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. IV, т. 7, с. 104.

³³ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 182—183.

лучевые условные короны Лицевого свода и короны на копейках 60-х гг. явно следовали одному графарету изображения царя, царское достоинство которого выражалось определенной формой головного убора, в равной степени условного и на миниатюрах, и на монетах.

Знаменательно то, что лицевые штемпели копеек Грозного при его преемниках больше не использовались, хотя датирующих признаков они не имели и в последующей практике денежное производство применяло их в очень широком хронологическом диапазоне. Это лишний раз подтверждает тот факт, что назначение рисунков на копейках Грозного было многофункциональным: изображение служило воплощением одного из основных положений идеологии самодержавной власти — идеи о религиозном и нравственном значении воинского подвига в борьбе за истинную веру и прославляло самого самодержца, который был представлен здесь во всем величии и блеске (насколько специфика монеты позволяла это передать). Рисунки на копейках преемников Грозного условны, схематичны и носят чисто служебный характер — номинал обозначался изображением всадника с копьём. Исключением является единственный тип копейки Бориса Годунова с изображением самого царя (об этом свидетельствуют буквы «Б-О» по сторонам всадника). Здесь резчики вновь не поскупились на детали, подчеркивающие престижность изображения: венец по форме очень напоминает шапку Мопомаха, за спиной всадника развевается пышный плащ, одежда всадника и сбруя коня богато декорированы.

Учитывая ту смысловую нагрузку, которую несли рисунки головных уборов на монетах, разумеется, нельзя оставить без объяснения причину появления великокняжеской шапки на одном типе копейки Новгородского денежного двора (табл. 1, 25—26; табл. 2, 25), на денгах Московского (табл. 1, 17—21; табл. 2, 17) и Тверского (табл. 1, 18—22; табл. 2, 18) дворов. Великокняжеские шапки на монетах Грозного заметил еще Н. И. Булычев в 1906 г., но объяснить этот факт он не пытался.³⁴ В данном случае следует исключить всякую возможность проявления самостоятельной инициативы резчиков штемпелей. Это исключалось самой природой официальных учреждений, какими были государевы денежные дворы; к тому же здесь мы наблюдаем одновременное явление на всех трех денежных дворах.

Очень большой соблазн представляет датировка монет с великокняжеской шапкой 1575—1576 гг., когда Иван IV титуловал «великим князем всея Руси» Симеона Бекбулатовича, а за собой оставил титул «князя Московского». Но такой трактовке сопротивляются монетные клады: они указывают на 50-е гг. XVI в. как на время появления указанных монет.³⁵ Можно предполо-

³⁴ Булычев Н. И. Именные серебряные копейки и денжки Ивана IV (1533—1584). СПб., 1906, с. 66.

³⁵ Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича... Прил. 1, клады № 10—18.

жить, что объяснение этого явления кроется в мартовских событиях 1553 г., когда Иван IV серьезно заболел и остро встал вопрос о его преемнике. Известно, что события, связанные с нежеланием части бояр присягать новорожденному наследнику, вызвали «мятеж» и «шум» во дворце и оказали серьезное влияние на дальнейшую политическую жизнь страны. Иван IV пришел к выводу, что он не может рассчитывать на верность даже ближайшего окружения. Когда в июне 1553 г. царевич Дмитрий умер и наследником стал другой младенец — царевич Иван, родившийся в марте 1554 г., с наиболее опасного конкурента на царский престол — с Владимира Андреевича Старицкого — взяли крестоцеловальную запись в верности новорожденному, а сам он был назначен правителем при малолетнем наследнике.³⁶ В этой обстановке, когда судьбы престола потребовали гарантий от подданных в верности династии, возможно, могли быть выпущены монеты с изображением наследника. Согласно монетной традиции XV в., на нем должна была быть великокняжеская шапка. Изображение наследника в виде всадника не нарушало геральдических канонов. Документальным подтверждением этому может служить описание герба, правда, относящееся к 1667 г.: «Орел двояглавый есть герб державный... на персях изображение наследника».³⁷ На монете статут наследника ограничивался рисунком великокняжеской шапки, сам же наследник изображен с бородой, хотя реальный наследник в момент выпуска монеты был грудным младенцем.

В предложенном выше объяснении по крайней мере два момента кажутся спорными. Во-первых, по изобразительным канонам того времени мужчины до 30 лет обязательно изображались безбородыми, и правило это, как мы видели, распространялось и на монеты. Во-вторых, в летописных миниатюрах царевичи неизменно имели царские венцы на головах, а великокняжескую шапку носил только один персонаж — Владимир Андреевич Старицкий.³⁸ Уже говорилось, что между оформлением монет и книжной иллюстрацией нельзя ставить знак равенства. Но, учитывая, что замеченные приемы в изображении царевичей и великого князя Владимира Андреевича Старицкого последовательно осуществляются в двух последних томах Лицевого свода, оформившихся уже в 60-х гг. (1563—1568),³⁹ можно предположить, что здесь имелся свой подтекст, смысл которого раскрывается при сопоставлении рисунков с монетами.

³⁶ Бахрушин С. В. Иван Грозный. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954, т. II, с. 294; Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 71—72.

³⁷ Цит. по: Вилинбахов Г. В. Всадник русского герба, с. 119.

³⁸ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры... с. 116.

³⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 67—74; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 21—34; Подобедова О. П. Миниатюры русских исторических летописей, с. 128.

Мы рискуем высказать суждение, что всадник в великокняжеской шапке на монетах символизировал не наследника, а великого князя Владимира Андреевича Старицкого. Сразу оговоримся, что это толкование мы предлагаем как одну из возможных гипотез; она возникла постольку, поскольку снимает замеченные выше противоречия. Известно, что вторая половина 50-х гг. была временем, когда обозначился кризис во взаимоотношениях между правительством Избранной рады и Иваном IV. Historики спорят, был ли действительно в 1553 г. боярский «мятеж», или же он возник в воображении автора приписок к Царственной книге, сделанных спустя более десятка лет. Если принять версию о выпуске в 1554—1555 гг. группы монет с изображением великокняжеской шапки, которая символизировала великого князя Владимира Андреевича Старицкого, проблематичный «мятеж» обретает документальное подтверждение. Владимир Андреевич независимо от своих личных качеств стал знаменем боярской оппозиции; изображение его на монете могло истолковываться как завуалированный вызов Ивану Грозному. Так как оппозиция назрела внутри Избранной рады, нет ничего удивительного в том, что на службе оппозиции могли оказаться денежные дворы. Судьба этих дворов после выпуска монет с великокняжеской шапкой служит косвенным подтверждением справедливости нашей гипотезы. После выпуска крамольной денги Тверской денежный двор прекратил свое существование навсегда, а Московский денежный двор больше не готовил новых маточников и если не прекратил, то значительно сократил свою деятельность до конца царствования Ивана IV. Причины сокращения деятельности этих двух дворов крылись во многих обстоятельствах иного порядка,⁴⁰ но, возможно, их «проступок» тоже играл здесь свою роль. Новгородский денежный двор, напротив, с 60-х гг. обнаруживает признаки расцвета, но некоторые изменения наблюдаются и здесь. Они выразились в сокращении количества и разнообразия знаков под погамм всадника. За этими знаками — буквенными сочетаниями — стояли живые люди, видимо, мастера-денежники, которые таким образом отмечали свою продукцию.⁴¹ Было ли это сокращение вызвано техническими причинами, или оно обозначало физическое истребление людей, можно только гадать. Но факт остается фактом: на копейках Новгородского денежного двора 60—70-х гг. вместо семи разнообразных буквенных сочетаний остаются только четыре (табл. 1; лицевые штемпели 28—34). В то же время на копейках Псковского денежного двора, на которых не встречено изображение великокняжеской шапки, осталось в полной неприкосновенности разнообразие буквенных сочетаний (табл. 1, лицевые штемпели 35—38).

⁴⁰ Мельникова А. С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича... с. 118—120.

⁴¹ Спасский И. Г. Деньги. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века. М., 1977, часть первая, с. 240.

Как бы мы ни толковали смысл изображения великокняжеской шапки на монетах Грозного, несомненным остается одно: этот выпуск отразил сложную внутриполитическую ситуацию, в которой монеты играли весьма активную роль. О. И. Подобедова, изучившая иллюстрации Лицевого свода, сумела заметить, что некоторые художники передавали свое индивидуальное отношение к описываемым событиям вопреки официальному тексту.⁴² Может быть, в настойчиво повторяющемся изображении Владимира Андреевича Старицкого в непременной великокняжеской шапке имелся свой подтекст, перекликающийся с выпуском монет 1554—1555 гг., на которых изображен ездец в великокняжеской шапке?

Нам представляется, что сделанные выше наблюдения над рисунками на монетах Ивана IV позволяют сказать, что памятники истории развития государственного строя России в середине и второй половине XVI в. дополняются новым нумизматическим источником, который не только отразил многие перипетии этого сложного и противоречивого периода русской истории, но и сам выступил в роли действенного инструмента внутренней политики.

А. А. ЗИМИН

ЗАПИСЬ О ДУШЕГУБСТВЕ¹

Запись о душегубстве — единственный дошедший до нас памятник XV в., специально посвященный вопросам суда московского наместника и удельных князей. Она изучалась давно и плодотворно. Особенно много сделано для ее всестороннего понимания учеными в последние десятилетия. М. Н. Тихомиров установил, что упоминаемый в Записи Иван Дмитриевич — не кто иной, как всецельный временщик малолетства Василия II И. Д. Всеволожский. Связав Запись с реформой великой княгини Софьи Витовтовны и И. Д. Всеволожского, он датировал памятник концом 20-х — началом 30-х гг. XV в.²

⁴² Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических летописей, с. 154.

¹ Настоящая статья является фрагментом последнего, пока еще не изданного труда А. А. Зимина (1920—1980) «Феодальная война второй четверти XV столетия», состоящего из двух частей — исследования и справочника. Фрагменты разных глав первой части монографии опубликованы (см.: Зимин А. А. В борьбе за Москву (вторая четверть XV в.). — Вопросы истории, 1982, № 12, с. 75—90). Статья «Запись о душегубстве» входит в состав справочника, характеризующего комплекс документальных материалов эпохи и обобщающего их сведения о городах, исторических деятелях и соседях Северо-Восточной Руси периода феодальной войны второй четверти XV в.

² Тихомиров М. И. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 95—96.